Нина ЯГОДИНЦЕВА

У КРАСНОЙ ЧЕРТЫ

Стихотворения из книги «Высокая вода»

***

В грязных берцах, широких чёрных штанах,
Куртках с жёлтыми буквами на спине,
Пересыпая словечки от бэ до нах,
Они идут по своей войне:
Бинтуют раны, курят в кулак, стреляют из-за угла –
Такие дела.

Вокруг супермаркет, ткани,
туфли и сумочки от кутюр.
Или, скажем, пешеходная улица, выходной,
Полно детей, старушек и всяких беспечных дур
На каблуках и в шляпках…
И тут они со своей войной.
И в тёплый воздух врывается ледяной.

Как наложение в фотошопе,
или технический сбой портала,
Или музыка, упавшая на три октавы
В прах и скрежет, в тиски смотровых щелей,
В алый кирпич и доски свежих развалин.

Мы слишком привыкли к миру.
Жалей или не жалей –
Он нереален.

Так занавеску срывает взрывной волной –
И на грязные берцы, тлея, падают клочья.
Вот реальность. Она никогда не была иной,
И кто-то сейчас видит её воочью.

Мы не наивны. Мы честно предпочитаем ложь.
И нам пока ничего не мешает, ну разве кроме
Этих, в чёрном,
идущих сквозь праздник жизни, как нож
Сквозь тёплый хлеб,
оставляя крошки и капли крови.

***

Ненасытной удалью молодой тоски
Воровская музыка мечется в такси.
Бьётся в стекла, поймана чёрным коробком…
Что она, о ком она? Больше ни о ком.

Вспоминать не велено, всё пошло не так:
От проспекта Ленина на Свердловский тракт,
Дальше – Комсомольского бурная река…
Помяни их, Господи: мальчиков зека,

Девочек без вызова, ужас чёрных трасс…
Музыка неистово обвиняет нас,
Выживших в развалинах, помнящих едва:
Музыке позволено, музыка права!

Слов не слушай, Господи: лгут слова навзрыд.
Плотный сумрак в городе фонарями взрыт,
Высверками высвечен, фарами в упор –
Музыка неистово продолжает спор

Не за души сгинувших в ужас и во тьму –
За невинных нынешних, за себя саму,
Разудало-жалкую в гиблой слепоте,
С неизменно ржавою финкой в сапоге…

***

Чувство жизни холодней, чем острое лезвие.
Взглядом к нему прикоснешься – будто
Читаешь вплавленные в железо
Неумолимые буквы.

Одно движенье неловкое
или внезапно окликнут –
Дрогнет рука,
И взгляда не оторвать от липкого
Тёмно-красного ручейка.

Потом бинтует белым, проступает зелёное,
Жжёт и ноет, стягивая края,
Кровь сворачивается от зноя,
И она уже не твоя.

Заживёт, конечно, криво, ладом ли,
Выбросишь замусоленные бинты,
Но взгляд нет-нет – и задержится на ладони
У красной черты.

***

Как странно я жила! Как медленно дышала
Небесною водой немыслимых глубин!
И тайный страх точил серебряное жало –
Но мир меня хранил, и ты меня любил.

Империя в дыму, как белый храм на круче.
И тридцать лет прошло – а всё ещё в дыму.
И ты в чужом краю. Но так, наверно, лучше –
Мой странный дар теперь не нужен никому.

Мучительным глотком таинственной свободы
Насытилась душа и обожглась, и к ней
Слетаются слова неведомой породы,
Светясь, как снегири на тонких ветках дней.

Империя в дыму. Взгляд опуская долу,
Не высмотреть зари, не выдохнуть – беда!
Горе глаза, горе – где звёзды и глаголы,
Где ускоряет ток небесная вода.